

БЕЗ ПРАВИЛ

МАША МАЛИЦОВСКАЯ

Маша Малиновская

Без правил

Серия «Нарушая правила», книга 2

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67957199

М. Малиновская. Без правил: Авторское;

Аннотация

Десять лет назад наша первая любовь разбилась о незрелость и неспособность противостоять обстоятельствам. Сегодня он – жёсткий и неподкупный служитель закона, а я жена человека, обвиняемого в ужасных преступлениях. Я верила своему мужу и была готова биться за него до конца, пусть наша совместная жизнь и не играла для меня красками чувств и страсти. Однако я недооценила силу первой любви, её способность затуманивать разум и кружить голову. Но что если чувства проснулись только у меня и это лишь его способ добиться цели?

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	21
Глава 4	31
Глава 5	38
Глава 6	49
Глава 7	57
Глава 8	70
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Маша Малиновская

Без правил

Маша Малиновская

* * *

Глава 1

Злата

Злость. Она распирает, рвёт на куски. Чёртов новый следак! Увидеть бы этого умника.

– Злата Владимировна, машину в гараж или планируете ехать?

– Жди, Коля, скоро поедem. Перекусить успеешь, если что, но сильно не расслабляйся.

Кивнув водителю, чеканно шагаю по плитке во дворе. Внутри всё звенит от негодования. Это же надо! Мы ведь совсем не ожидали. Думали, вопросов не возникнет больше у прокурора.

– Злата! – Лариса уже приехала и дожидается меня в гостиной. Едва я распахиваю двери в холл, она поднимается с дивана и спешит ко мне. – Так это правда? Глеб в тюрьме?

– Ты для статьи интересуешься? – замираю, уперев руки в бока и сердито смотрю на неё.

– Обижает, – выпячивает губы девушка. – Всё никак мне не можешь забыть ту мелочь, да? Я сейчас же по-дружески, Злат.

Выдыхаю, сложив губы трубочкой, как учила психотерапевт, когда мне нужно остановить разгоняющееся на эмоциях сердце, и будто вся сникаю.

– Прости, Лара. Да, всё хреново.

Лариса Артёмова – журналист и главный редактор новостного сайта «Элитари», моя лучшая подруга и бывшая сокурсница. Вообще-то, она хорошая подруга, но иногда забывает выключить в себе журналиста. Однажды был момент, когда я рассказала ей ситуацию в знакомой нам известной семье, а потом это, пусть и не подробно, появилось в прессе. Мы тогда знатно поссорились, но Лариса извинилась и обещала, уверяла, что понятия не имела, что это конфиденциальная информация. Обещала, что больше ничего из наших частных бесед никуда не просочится.

Я позлилась, попсиховала, но в итоге простила её, хотя в такие моменты, как сейчас, иногда напоминаю.

– Насколько?

– Глеба взяли под стражу прямо в зале суда на предварительном слушании. Я до сих пор не могу отойти от шока, понимаешь?

Я сбрасываю накидку на диван, снимаю туфли, беру их в руки и иду в сторону лестницы на второй этаж, Лара идёт рядом.

– Всё должно было разрешиться, Глеб позаботился. Но его дело почему-то отдали другому следователю, и тот раскопал новые обстоятельства. Не просто мутки с налогами, что-то, вроде бы, намного серьезнее.

– Что конкретно?

– Не знаю пока.

– Что говорит адвокат?

– Что мы в заднице.

– Так и говорит?

– Да, только юридическими терминами.

Я толкаю дверь в спальню, прохожу к кровати и устало опускаюсь на край, сдавливаю виски и тру их. Лара опускается на софу возле туалетного столика, тоже сбрасывает туфли и подбирает ноги под себя.

Мой муж Глеб Дембицкий – известный в городе бизнесмен. Месяц назад им заинтересовались в органах, когда тендер на торгах выиграл не Добролюбов, как два предыдущих года, а фирма Глеба. В сфере крупных перевозок он давно, но в северном направлении стал развиваться относительно недавно. Глеб поторопился, и я ему об этом говорила, но он не прислушался. Перешёл Добролюбову дорогу, и вот результат.

Но мы быстро всё утрясли. Хороший адвокат, работающий с нашей семьёй уже много лет, разумно и тонко повёл дело. Доказательств того, что фирма Глеба скрывает большую часть доходов от налоговой, не обнаружилось. Даже до суда дело бы не дошло. Всё должно было решиться сегодня на предварительном слушании, но внезапно прокурор сказал, что в деле были обнаружены новые факты, не только по 199 статье, дело отправлено на следствие, и заниматься им теперь будет другой, новый специалист.

– И что за новый следак? – спрашивает подруга. – Он совсем бессмертный, что ли?

– Не знаю. У меня с ним встреча через час. Адвокат пойдёт сразу к Управлению.

– Я прям не завидую этому следаку, – понимаю, что подруга хочет поднять мне настроение. – Возьми там его хорошенько за... горло. Ты это умеешь, Злата.

Невесело усмехаюсь в ответ и расстёгиваю платье. Надо переодеться. Неплохо было бы перекусить, но аппетита снова нет. Мой врач бы уже прочёл мне нотацию по этому поводу, но его здесь нет, так что...

– Нет, ну а что? – не унимается Лариса. – Будь хоть какой он деловой, это он ещё с Дембицкой не тягался.

Достаю из гардеробной деловой серый костюм, но потом, подумав, вешаю его обратно. Вытаскиваю чёрное платье-футляр с закрытыми плечами без рукавов и ниже колен. Вдруг этот чёртов следак сексист? Однажды на деловой встрече предполагаемый партнёр сделал Глебу замечание, что я, его жена, пришла в брючном костюме, а это не по-женски.

Поправляю макияж и причёску, делаю несколько дыхательных упражнений, чтобы успокоиться и настроиться, беру жакет, туфли, и мы с Ларой спускаемся вниз. Водитель уже ждёт.

По пути в Управление полиции высаживаем Артёмову возле её офиса. Адвокат уже ждёт меня на крыльце.

– Злата Владимировна, готовы?

– Не знаю, к чему конкретно, но да. Давайте выясним, что тут за товарищ решил рискнуть карьерой.

Дежурный пристав проверяет наши документы и пропускает внутрь, объясняет адвокату, куда нам нужно пройти, пока я отвечаю эсэмэской матери. Снова звонила. Но я вроде бы понятно сказала, что занята, зачем по сто раз набирать?

Мы поднимаемся на второй этаж, проходим к кабинету двести восемь. Адвокат только собирается постучать, как нам навстречу вываливается ржущий как конь мужчина. Он что-то ест и смеётся, оборачиваясь внутрь комнаты, и показывая какой-то знак тем, кто внутри. Снова смеётся.

– Ой, – разворачивается и напарывается взглядом на нас, причём не особо задерживает его на адвокате, а вот по мне проходит сверху вниз и обратно. – А вы у нас кто?

– Мы по делу Дембицкого, – сдержанно отвечает наш адвокат. – Нам нужен...

– А-а, – перебивает его мужчина, а потом снова заглядывает в кабинет и говорит кому-то. – Тут к тебе жена и адвокат Дембицкого пожаловали, ты же их ждал?

– Пусть проходят, – раздаётся в ответ густой жёсткий голос, который почему-то кажется мне смутно знакомым.

Мужчина отходит в сторону, пропуская нас. Адвокат придерживает передо мной дверь, и я захожу внутрь твёрдым шагом. Окидываю взглядом просторный кабинет, довольно современно обставленный. Тут четыре рабочие зоны, но столы пусты. И только за одним сидит высокий темноволосый мужчина. Он поднимает на меня от бумаг тяжёлый серьёзный взгляд насыщенно-голубых глаз, и я вдруг цепенею.

Я знаю этого мужчину. Очень хорошо знаю. Точнее, знала. Он – моя первая любовь и первая жгучая боль. Мой первый мужчина. Моя школьная мечта, жестоко растоптанная моими же родителями и собственным малодушием десять лет назад.

Демид Бахурин.

И теперь он тот, кто ломает мою нынешнюю жизнь.

Глава 2

– Ты выглядишь измотанной.

– Потому что я измотана.

Я сбрасываю туфли и вытягиваю ноги, прижимаю ступни к прохладному линолеуму. Сегодня шпильки убивают меня. Потянула щиколотку во время последней тренировки, теперь бы как-то успеть попасть на массаж.

– С молоком?

– Да.

Лариса колдует возле кофемашины и через минуту ставит на столик две чашки, источающие манящий аромат. Сама тоже присаживается рядом на небольшой кожаный диванчик.

Мне нравится у неё в офисе. Уютно так. И светло. Не то что у Глеба что в офисе, что в кабинете дома – тёмная мебель, окна почти всегда зашторены. Я люблю естественное освещение, с ним как-то даже легче дышится. Вот как у Артёмовой здесь.

– Ну рассказывай, – она подносит чашечку к пухлым губам и делает глоток. – Как прошла встреча? По телефону ты сказала, что хреново.

– Потому что хреново.

– Следак тот ещё мудила?

– Ну... Оказалось, мы знакомы.

Лара поднимает удивлённо брови и отставляет кружку, со-

средотачивая на мне всё внимание.

– Со школы. Учились вместе. И... встречались когда-то.

А вот тут мимика подруги претерпевает редкие изменения.

– То есть как? Он твой бывший?

– Ну типа того.

– Ты же в универе говорила, что кроме Глеба у тебя не было серьёзных отношений, ну, кроме того парня, с которым тебя развели родители.

Я не отвечаю. Просто смотрю на подругу и тяжело вздыхаю.

– Охренеть, – она резко откидывается на спинку дивана. – Так этот следак... он тот самый, да? С которым ты первый раз переспала?

Выражения Артёмова никогда особо не выбирает, вокруг да около не ходит.

Демид Бахурин действительно когда-то стал моим первым. Я не влюблялась в него с первого взгляда, нет. Он перевёлся в нашу школу из неблагополучного района, в первый же день нагрубил мне. Жутко меня раздражал. Мы воевали. Казалось, что против всеми уважаемой и обожаемой школьной принцессы Златы Королёвой у него нет шансов. Но так вышло, что он установил свои правила. А потом... Между нами расцвёл тот самый хрупкий и нежный цветок первой любви. Настоящий и искренний. Для нас не существовало никого вокруг. Только он и я. И наши мечты о будущем. Бах-

урин мечтал стать архитектором, а я морским биологом. Мы отправили втайне от наших родителей документы в Сочинский университет, поступили на бюджет и собирались уехать вместе. Но в последний момент мои родители меня не отпустили. Сказали, что я останусь без их поддержки и мы вдвоём не потянем учёбу в таком дорогом городе более чем в двух тысячах километров от дома.

И я испугалась. Он долго стоял под моими окнами с дорожной сумкой в руках. Звал, пока я обливалась горячими слезами, прячась в своей комнате и пропуская сквозь пальцы ошмётки своей окровавленной души.

Долго потом словно заново жить училась. Поступила, куда хотели родители, но навсегда возвела между нами стену. Не простила им. Время лечит, да, но шрамы остаются. Они тянут, ноют на погоду, лопаются и кровят время от времени.

Как сегодня, например. Когда я вошла в кабинет и узнала в новом следователе Демида, в груди что-то больно кольнуло и не сразу получилось вдохнуть. Мне понадобилось несколько бесконечных мгновений, чтобы осознать, понять, кого я вижу перед собой. Получается, он ведь так и не стал архитектором. Не исполнил мечту, как и я свою. Пошёл в органы, как того и требовал его отец.

Я смотрела на него, а он на меня. Изменился. Десять лет ведь прошло. Плечи стали шире, черты лица заострились и стали жёстче, взгляд тяжелее, а между широких бровей залегла складка. Он и в юности мог посмотреть так, будто ка-

лёным железом пройтись, насквозь прострелить, теперь же его взгляд стал ещё острее, будто внутрь проникал, насквозь видел. Настоящий следователь.

На подбородке лёгкая щетина, колючая, наверное. У меня аж кончики пальцев занемели, когда вспышкой ворвалось воспоминание, как я проводила когда-то пальцами по этому волевому подбородку. Пришлось их даже в кулак сжать.

– Присаживайтесь, – сказал он ровным голосом, кивнув на длинную конференц-приставку стола.

Адвокат отодвинул сначала стул для меня, потом расположился напротив. Едва я присела, почувствовала, как завибрировали внутри ноги – настолько были напряжены.

– Итак, слушаю вас.

Адвокат достал бумаги из папки и начал переговоры, обсуждал статьи, которые теперь вменялись Глебу кроме сто девяносто девятой¹.

– Антон Васильевич, будьте добры, выйдите на пять минут, – впервые подала голос я.

Адвокат посмотрел удивлённо и нахмурился.

– Злата Владимировна, я настоятельно не рекомендую вам...

– Оставьте нас с уважаемым следователем ненадолго.

Антон Васильевич нервно поправил очки, но спорить не стал. Встал, забрал портфель, но бумаги оставил на столе и вышел, прикрыв за собой дверь.

¹ Ст. 199 УК РФ предусматривает наказание за уклонение от уплаты налогов.

Я незаметно под столом сжала кулак, впившись ногтями себе в ладонь, чтобы отрезвить и напомнить, что пора играть в свою пользу.

– Торговля оружием? Перевозки наркотиков? – я откинулась на спинку стула и сложила руки на груди, посмотрев на Бахурина. – Ты серьёзно, Демид?

Его имя мне удалось произнести ровно и твёрдо.

– Мой муж бизнесмен, и в подобных грязных делах не замешан. Я не знаю, зачем и почему ты копаешь в этом направлении, но это может сказаться на его репутации.

– Твой муж преступник. И он сядет, – он тоже перешёл на ты. – И ты либо не знаешь его, либо покрываешь. По статистике, ближайший сообщник – жена. Если следствие докажет твою причастность, сядешь и ты. Так что я советую тебе попросить адвоката вернуться и приступим к допросу.

* * *

– Я тебе вот что скажу, – Артёмова шлёпает передо мной на стол свой блокнот. – Видишь?

Не совсем понимаю, что именно я должна понять в её каракулях, поэтому поднимаю глаза на подругу. Алина, моя прислуга, как раз вносит в гостиную поднос с чаем и черничным рулетом.

– Я тщательно поискала информацию о твоём следаке.

– Он не мой, Лариса.

– Ну ты меня поняла, – она начинает расхаживать передо мной взад-вперёд, а потом, вдруг передумав этим заниматься, резко разворачивается и присаживается. – Пробивала по своим каналам, не просто заглянула в соцсети, хотя и туда тоже ходила. Но! Ты же прекрасно знаешь, человеку с такой профессией, как я, положено иметь некоторые связи.

– Ближе к делу, Лара.

– Так вот: ничего.

– Что – ничего? – я стала на неё уже злиться. Иногда она слишком увлекается, забывая, что не на театральной сцене.

– А то – ноль. Информации тупо ноль. Нет, ну кое-что есть, но всё очень гладенькое такое и обычненькое. Но конкретики нет. Родился, окончил школу, вуз, не женат.

На последнем её слове я моргнула. Да какая мне разница вообще? Бред.

– Вот в профессиональном плане – почти ничего, какие-то общие размытые данные. Не находишь это странным? И тут вдруг он в столичном управлении полиции начинает вести довольное громкое дело.

– И что, по-твоему, это значит?

– Что твой Бахурин не простой мент. Скорее всего, он безопасник. Или перевёлся, или твоим мужем заинтересовались куда более серьёзные структуры.

Звучит не особо правдоподобно. А там кто его знает.

– Ну не знаю... – размышляю, сжав указательным и большим пальцем переносицу. От всего этого начинает болеть

голова. – У Демида отец в полиции служил, на то время в милиции ещё.

– Продвиженец, думаешь?

– Не знаю. На того Бахурина, что я знала, непохоже. Да и вряд ли его взяли в госбезопасность, у него брата осудили, и тот в тюрьме умер. И сам он на учёте стоял в милиции. По глупости, но всё же.

– Ни фиги себе, с таким послужным его и в обычную ментовку странно, что взяли, – Артёмова прищуривается и начинает что-то строчить в своём блокноте. – Но эти интересные факты могут тебе помочь. Оказывается, кристально-чистый следак не такой уж и кристальный.

– Так, стоп, Лариса, – до меня начинает доходить, что она делает. – Мы никак и никуда это не станем использовать!

Подруга поднимает на меня глаза, выгибает бровь и смотрит как на умалишённую. Но я тверда в своём решении. Если Бахурин и правда из высшего эшелона, то не думаю, что там идиоты ему биографию подчищали. Да и... не хочу я так. Не стану.

Чьё-то сердце – это открытая поляна, залитая солнечным светом, чьё-то – синий океан, преисполненный глубин и загадок. Чьё-то, возможно, тёмный страшный лес. А моё – система камер, банковских ячеек, не сообщающихся друг с другом. В одних ячейках я навсегда запираю болезненные воспоминания, выбрасываю ключ, чтобы никогда не открывать и травиться. В других содержу взаперти что-то ценное и важ-

ное для меня. Прячу, чтобы никто не увидел и не попытался отнять. Эта структура помогает мне держать жизнь, эмоции и мысли под контролем.

И воспоминания о юношеской любви к Бахурину содержатся в самой важной и ценной ячейке. Спрятанной дальше и глубже всех. И я сохраню её, не испорчу мелочными попытками использовать его прошлое против него. Да и вряд ли получилось бы. Наша война здесь, в настоящем. Здесь она и останется.

– Я сказала – нет, – беру и просто выдираю из её блокнота листок, сминая его и засовываю в карман. – Это будет глупо и мелко. Результата не даст, тем более что доказательств у меня нет, а статейка у тебя на сайте сильно погоды не делает, особенно если ты права насчёт того, откуда он.

Артёмова мрачнеет и поджимает губы. Её задело моё пренебрежительное «статейка». Приходится сделать брови домиком и извиниться за это. Лара быстро оттаивает, пожимает плечами на моё решение, но принимает его.

Вчера разговор пошёл совершенно не так, как я планировала, отправляясь на встречу. Я попросила адвоката вернуться, и Демид стал меня допрашивать. Чётко задавал вопросы, отслеживал реакцию, заставляя ощущать себя словно под микроскопом. Всё фиксировал в протоколе.

– Назовите полные фамилию, имя и отчество, дату рождения, – снова перешёл на вы.

– Дембицкая Злата Владимировна. В девичестве Королё-

ва, – ответила так же ровно и чётко факт ему уже известный. – Третье января тысяча девятьсот восемьдесят пятого года рождения. Двадцать восемь полных лет.

– Как давно вы замужем за Дембицким Глебом Петровичем?

– Пять лет.

– Общие дети?

– Нет.

– Дети от других браков или вне браков?

– Нет.

Я столько лет мечтала встретиться с ним. Желала и боялась. Хоть и плотно запечатала самую ценную ячейку в своём сердце, глубоко-глубоко похоронила её, всё же иногда тайно от самой себя заглядывала внутрь. Мечтать не позволяла, но иногда на минуту давала себе возможность представить нашу встречу. Мы бы пообщались, выпили кофе, рассказали друг другу о себе. Это могло бы произойти через пять лет, десять или даже двадцать.

Но я точно не представляла, что буду рассказывать Бахурину о своей жизни под протокол.

Он ещё задавал вопросы о моей профессии, работаю ли я, что знаю о семье мужа, принимаю ли участие в его бизнесе, насколько глубоко вникаю в дела. Вопросы были конкретные, ответы приходилось давать такие же. Всё чётко и по делу, а я так же отвечала. И словно смотрела, как тонет в

глубинах Северно-ледовитого океана та самая ячейка моего сердца, обрастает льдом и идёт ко дну.

Пусть так, там она будет сохраннее.

– Ладно, Злата, мне пора, – из размышлений меня выталакивает голос подруги. – Звони если что. Ты когда к Глебу собираешься?

– Завтра.

– Передавай привет.

– Хорошо.

Мы прощаемся, я провожаю подругу до двери. Даю распоряжение насчёт ужина и собираюсь подняться к себе. Мне срочно нужна горячая ванна, а потом необходимо созвониться с замом Глеба на фирме. Но не успеваю даже поставить ногу на первую ступеньку, как в дверь раздаётся звонок. Кто-то из своих. Может, Лара вернулась. Охрана при въезде посторонних всё равно не пропустит.

Я делаю знак Алине, что открою сама и возвращаюсь к двери. Но, распахнув, вижу там совсем не Артёмову. На пороге стоит Бахурин, а за ним ещё шесть человек.

– Добрый день, у нас ордер на обыск, – чеканит он и протягивает мне документ с гербом и печатями. – Ваше содействие облегчит задачу обеим сторонам.

Глава 3

Растерявшись, я шокировано пячусь назад, пропуская всех этих посторонних людей в свой дом.

– Злата Владимировна... – за ними входит старший охранник, но я киваю ему, что мы вынуждены подчиниться, потому как у прибывших есть постановление суда.

Бахурин зачитывает мне права обыскиваемого лица, сообщает, что послал уведомление и разрешение судьи на обыск нашему адвокату. Представляет оперуполномоченных и нескольких понятых. Оказывается, людей вошло больше, чем мне показалось сначала.

Слишком много людей и слишком много шума они производят. Голова начинает кружиться. Я прошу Алину принести стакан воды, а сама сжимаю пальцами виски.

Спорить с Бахуриным бесполезно. Он не нарушает закон, процедуры соблюдены. Халтура – это не о нём, я уж помню. Но будь вместо него другой следователь, мне было бы проще. Намного.

Пока я пью воду и прихожу в себя, он отдаёт распоряжения своим людям в моём доме. Распределяет понятых, составляет базу протокола. Напоминает, чтобы работали аккуратно.

– Первым делом я бы хотел обыскать рабочий кабинет вашего мужа, – обращается ко мне.

На деревянных ногах я разворачиваюсь и иду к кабинету Глеба. Бахурин и двое понятых следуют за мной. Торможу я уже у самой двери, резко обернувшись, смотрю на Демида в упор. Как когда-то делал он, глаза в глаза.

– Что именно ты пытаешься найти?

– Доказательства, – чеканит он. – Открывай.

Воспрепятствовать вторжению я не могу, поэтому со вздохом набираю код на панели. Электронный замок срабатывает, и мы проходим внутрь. Бахурин достаёт из кармана брюк одноразовые перчатки, натягивает их и приступает к обыску.

– Присядьте, – кивает мне и понятым на диван. – Это займёт время.

Мне не нравится, что он распоряжается в моём доме, но он прав. Да и если вспомнить, чему нас учили на занятиях по праву в университете, понятые – друзья обыскиваемых. Это абсолютно сторонние люди, которые не сильно желают тут находиться. Но именно от них зависит многое. В случае нарушения прав со стороны сотрудников полиции, можно привлечь их внимание, а потом потребовать отразить это в протоколе.

Я вяло улыбаюсь и кивком разрешаю топчущимся парню и девушке присесть на диван. Демид в это время внимательно осматривает рабочий стол, выдвигает ящики, просматривая их содержимое, листает документы, что стоят в органайзерах. Он внимателен, но всё изучает как-то бегло. Меня не

покидает ощущение, что он ищет что-то конкретное. Но что именно?

– Это я изымаю для дальнейшей работы. Если вопросов не возникнет, технику вернут обратно.

Он упаковывает ноутбук Глеба в пакет, клеит сверху какой-то стикер, потом записывает в протокол изъятие.

Бахурин продолжает работать. Шерстит полки, заглядывает под стол, даже вскрывает крышку настольных часов. Проходит уже более сорока минут. Где вообще этот чёртов адвокат?

– Я здесь закончил, следуем далее.

Он собирает свои документы и выходит из кабинета. Я и понятия следуем за ним.

В доме творится нечто невообразимое. Посторонние люди расхаживают, трогают вещи, переворачивают их. Открывают ящики, исследуют технику. Понятые глазают вокруг. Перепуганная прислуга жмётся в гостиной у стены. Лица всех четверых растеряны. Смотрят вопросительно, когда видят меня. А что я? Хороша же хозяйка, которая вот-вот готова впасть в истерику.

Делаю глубокий вдох, стараясь взять себя в руки. Бахурин даёт какие-то распоряжения одному из оперов. Кажется, тому самому, которого мы с Антоном Васильевичем встретили у кабинета. А потом кивает мне на лестницу на второй этаж.

Если я начну вести себя сейчас забито и испуганно, то все эти люди почувствуют себя в моём доме ещё более вольгот-

но. А мне этого не нужно. Я расправляю плечи и иду по лестнице первая.

– Здесь гостевая спальня, – показываю рукой на первую дверь. – Она давно пустует.

Демид даёт одному из оперов, и тот принимается за обыск комнаты.

Проходим далее. Через одну дверь.

– А эта комната?

– Спальня Глеба дальше по коридору. Это моя комната.

Да, у нас нет супружеской спальни. Была в первые два года, но это оказалось весьма неудобно, особенно, когда у меня начались мигрени. Да и те цвета в интерьере, что по душе Глебу, мне не нравятся.

– Открывай.

– Что ты хочешь найти в моей спальне?

– Для тебя будет лучше, чтобы ничего не нашёл.

Дёргаю ручку и толкаю дверь, влетаю первой и застываю у кровати, сложив руки на груди. Взглядом припечатываю понятых у порога. Нечего глазеть. Пусть там и стоят, смотрят себе под ноги.

Чувствую себя отвратительно, когда Бахурин приступает к обыску. Шкатулка с украшениями, туалетный столик, косметика. Всё с абсолютно непроницаемым лицом. Осматривает полку с книгами, раскрывает рамки с фотографиями, на которых мы с Артёмовой.

Когда берётся за ручку комода, я не выдерживаю. Делаю

шаг и хватаю его за предплечье.

– Там мои личные вещи, – говорю с расстановкой.

Бахурин опускает глаза на мою руку, а потом поднимает их и твёрдо смотрит в мои.

– Во время обыска это не имеет значения. Любые подробности и тайны личной жизни, выявленные в ходе обыска, если они не относятся к материалам дела, не будут преданы огласке. Мною будут предприняты соответствующие меры как должностным лицом.

Он машина, что ли? Ни чувств, ни эмоций. Во взгляде лёд и решимость выполнить поставленную задачу. Лишь оболочка от того человека, которого я знала и когда-то любила.

– Вон, – киваю понатым, и они испаряются.

– Ты сама отказалась от свидетелей обыска, – он лишь пожимает плечами. – А теперь шаг назад, Злата. Не препятствуй следственным действиям, пока я не предпринял меры.

Поджимаю губы и отхожу. Заливаюсь румянцем, когда господин следователь начинает искать что-то среди моего белья. А ему всё ни по чём, с таким же выражением он исследовал ящики с бумагами в столе Глеба.

Отвожу глаза, когда Бахурин достаёт из ящика мой вибратор. Чёрт возьми, большего позора в жизни у меня ещё не было. Это всё очень странно. Очень и очень. Мы же с ним... мы же спали с ним. Пусть один раз – мой самый первый, но всё же.

Чувствую, что начинаю дрожать.

– Господи, Демид, прекрати это уже! – не выдерживаю. – Там ничего нет.

– Я ещё не закончил.

Он раскручивает вибратор, вытаскивает аккумулятор, а потом хлопает пустым основанием по ладони. Мне приходится схватиться за спинку кровати, чтобы не упасть, потому что на руку ему оттуда выпадает что-то очень маленькое. То, чего там явно быть не должно.

– Где флешка, Злата?

Бахурин смотрит остро, будто насквозь рентгеном просвечивает. А я слышу его голос словно через толщу воды. Мысли расползаются.

– Какая ещё флешка?

– Ключ-переходник для этой карты, – в его голосе усиливается нажим. – Где она?

– Я не понимаю...

– Отвечай!

– Я не знаю, о какой флешке ты говоришь! – уже почти кричу, не выдерживая всего этого давления. – Что тебе нужно, Бахурин? Что ты ищешь? Эту штуку, которую ты достал, я вижу впервые, клянусь!

Он делает два медленных шага, подходит ближе.

– Это твоё? – приподнимает вибратор, заставляя желать сгореть прямо тут. – Вещь личная?

– Конечно, – сердце рвется в груди от стыда, страха и смущения.

– Кто имеет доступ в твою спальню? Муж. Кто-то ещё?

– Я не знаю. Прислуга. Глеб вряд ли заходил в мою комнату, когда меня здесь не было.

– Ключ-карта лежала так, что контакт с батареей был нарушен. Прибор бы не включился. Когда ты в последний раз использовала аппарат?

Отхожу от него на несколько шагов и закрываю лицо ладонями. Сюрреализм какой-то. Стыд ощущаю почти физически, будто с меня кожу полосами сдирают.

– Я этой штукой вообще не пользовалась, Демид, – опускаю руки и поднимаю на него глаза. – Это подарила мне подруга. В прикол. Мы выпили вина, понажимали на кнопки, поржали и на этом всё, я просто положила его в ящик, потом собиралась выбросить. А вот это, что выпало, впервые вижу. Что это вообще такое?

По взгляду Демида не понять, верит он мне или нет, хотя я действительно говорю правду. Похоже на отмазку, не спорю, но это правда так. Однажды мы с Ларисой отмечали мой день рождения. Глеб был в командировке, а я не хотела никаких ресторанов и прочих увеселений, и мы просто остались дома у меня вдвоём. Артёмов торжественно вручила мне подарок и стала пьяно хихикать, пока я открывала. Даже сфоткала моё лицо, когда я распаковала гладкий розовый агрегат.

– Это составная часть флешки. Цифровой ключ, без которого нельзя считать информацию с неё. И я думаю, ты зна-

ешь больше, Злата. Не хочешь рассказывать здесь, поговорим в участке, – с ужасом наблюдаю, как он вытаскивает из кармана наручники и демонстративно покачивает ими на указательном пальце. – В твоих личных вещах найдена важная улика, так что...

О Господи, он же не намерен арестовать меня? Заковать в наручники и показательно провести перед прислугой и соседями? И что дальше? Допрос с пристрастием? Я ведь не дура, он не просто так демонстративно начал копаться в моих трусах – хотел, чтобы я избавилась от понятых.

Я отступаю, пячусь, когда он делает ко мне несколько шагов, пока не упруюсь спиной в шкаф. Бахурин подходит совсем близко, нависает надо мной, упираясь левой ладонью рядом с моей головой. Загнал в угол.

– Сотрудничай, Злата, выбора у тебя нет.

– Я ничего не знаю о делах мужа, – стараюсь держаться на равных, но голос предательски дрожит.

– Ты заставляешь меня применять методы, которые тебе могут не понравиться.

– Глеб тебя убьёт за всё это, когда выйдет.

– Беспокойся о том, что будет с тобой. Сейчас. И не советую угрожать сотруднику полиции при исполнении.

Органы чувств включаются рефлекторно одно за другим из привычного фонового режима в повышенный. Хочется перестать дышать, чтобы мужской запах не проникал в ноздри, раздражая слизистую и оседая в лёгких. Он пахнет так

знакомо, но в то же время иначе. Резче, ярче, но всё же знакомо.

После расставания у меня осталась его спортивная мастерка, в которой я пришла домой, когда прохладным летним вечером он провожал меня и набросил её на плечи. Его запах, смешанный с ароматом туалетной воды, ещё долго оставался на ткани. На ночь я закутывалась в просторную мастерку и ложилась спать. Иногда плакала подолгу, понимая, что аромат этот становится всё слабее.

И вот сейчас будто тумблер на полную выкрутили, оглушили этим запахом. Сильно отличающимся, но узнаваемым мною на уровне безусловных рефлексов.

– Артёмова права, – прошептала я шокировано, – ты не просто мент.

– Твоя Артёмова слишком много совала нос куда не следует.

– Совала? – внутри похолодело. – Что ты сделал с ней?!

– Пока ничего. Но всё будет зависеть от тебя, Злата.

– Ты угрожаешь мне? – я всё больше и больше погружаюсь в шоковое состояние.

– Расценивай как хочешь. Но завтра, когда пойдёшь на свидание к мужу, ты об этом ничего не скажешь, поняла? – он приподнимает пакетик с той маленькой штукой, что нашёл в игрушке. – Если ты мне не лжёшь, то ключ туда, скорее всего, положил твой муж, и пусть он думает, что тот там находится до сих пор.

Как так вышло, что Бахурин уже опутал меня своей паутиной? Поставил под угрозу близкую подругу, заставил обманывать мужа. Он действительно изменился, это совсем не тот человек, которого я знала. И мне становится страшно лишь от одной мысли о том, на что он может быть способен.

Бахурин убирает улику в карман и отходит от меня, позволяя, наконец, сделать полноценный вдох.

– До скорого, Злата. И я бы на твоём месте озаботился, насколько качественно работает ваш адвокат.

Когда Бахурин уже почти у двери, я не сдерживаюсь.

– Как случилось, что ты стал таким, Демид? – произношу севшим голосом.

– Это каким? – он разворачивается, держа руки в карманах, и смотрит внимательно через расстояние комнаты мне в глаза. – Я просто делаю свою работу. А вот как ты докатилась до того, что продалась в жёны криминальному авторитету?

Глава 4

Спокойствию Демида Бахурина можно было позавидовать. Перед светофором его бэуху подрезали, поэтому он не успел на зелёный, на следующем светофоре какое-то мудло влезло не в свою полосу и вдруг решило поворачивать, включив мигающий сигнал и задержав всю колонну. Но Демид сидел, откинувшись на сидении и спокойно держа руки на руле. Он думал.

Он вообще был человеком очень выдержанным, потому как с его профессией иначе и быть не может. Если он будет эмоционировать, то ни к чему хорошему это не приведёт, он уже давно сделал вывод, что эмоции до хорошего не доводят.

А думал он о том, что только что произошло. Он не хотел её пугать. Точнее, планировал немного сработать на эмоции, но не так сильно. И не на свои. Вовремя поймал контроль за хвост, но всё же выдал больше допустимого. Больше, чем ожидал от себя сам.

Дембицкого они пасут уже больше года, но им занимался другой сотрудник. Однако руководство решило, что именно холодный и исполнительный Бахурин, молодой и не засвеченный, но весьма талантливый и упёртый, справится лучше. Ну и как обычно: всё впопыхах, знакомство с делом за двадцать часов до первого контакта. Ещё и через МВД решились работать.

О том, что Злата жена Дембицкого он узнал за пять минут до встречи с ней в его кабинете. Хреново это, когда вот так дело дают и времени в обрез. Некоторые моменты важны, но с таким ограничением времени на подготовку сработать вчистую не всегда реально.

Флешку нужно было найти срочно. От этого зависит жизнь многих людей. Точно известно, что на этом носителе схемы последних маршрутов перевозок Дембицкого. Даты, к сожалению, точно неизвестны, и это осложнение. Поэтому будут непопулярные меры. Придётся давить на все кнопки, и Злата – пока самая перспективная.

Если она и правда не в курсе, чем занимается её муж, то, возможно, сама не понимает, что владеет важной информацией. Нужно понять это. И быстро. И не стоит списывать со счетов, что она умная девочка, хваткая.

Разные спальни с мужем Бахурина порадовали. Их реальные, не публичные, взаимоотношения в целом пока непонятны. А если спят отдельно, значит, есть вероятность, что между ними не всё гладко. И надо будет запросить её медкарту. Детей нет – выбор или проблема?

На странный, едва заметный зуд за грудиной Бахурин не обращал внимания. Эмоции. Им в мир нельзя. Конечно, она для него некий триггер. Но он не сопливый пацан, на службу в госбезопасность неженки не берут. Ну, не считая, Прокофьева.

При воспоминании о последней операции товарища Бах-

урин ухмыльнулся. Этому бы в плэйбое сниматься или стриптиз танцевать в клубах. Но сотрудник он хороший и напарник надёжный.

Притормозив возле подъезда, Бахурин поднял голову и увидел, что в его квартире горит свет. Наташа приехала. Если честно, он уже пожалел, что дал ей ключи. Это было удобно, когда он возвращался поздно, звонил, и она приходила чуть раньше, ужин могла приготовить. Но когда стала приезжать без предварительной договорённости, это стало напрягать.

– Привет, – Наталья вышла в коридор и улыбнулась, когда Демид вошёл в квартиру. – Я тут пирог с капустой решила приготовить.

Она вытерла руки о полотенце и подошла ближе. На поцелуй надеялась, но у Бахурина вдруг прострелило уколом раздражения. Это нехорошо. Некрасиво.

– Привет, Наташ, – он легко приобнял её, – надо было позвонить.

– Ты не рад? – девушка пыталась улыбнуться, но в глазах засквозила грусть.

Это в последнее время тоже напрягало. Конечно же он понимал, что ей нужно иное, что она ждёт от него развития их отношений. Что хочет за него замуж. Но дать ей этого Демид не мог. Она ведь понимала, когда они стали спать вместе, знала это. Он чётко сказал, что не создан для семьи, что если она не готова для таких отношений, то лучше не надо. Но

женщины такие женщины. Они надеются, что со временем смогут изменить то, что их не устраивает.

И вот теперь начались эти трогательные грустные взгляды, неожиданные домашние ужины, обрывки разговоров о детях и доме за городом. Вроде как вскользь, как комментарии к фильмам, но Бахурин же не идиот.

– Рад, конечно, – врать не любил, но скажи сейчас правду, будет лишний головняк. – Работы много, надо сконцентрироваться.

– Ну расслабляться тоже надо, – Наташа просветлела, но отблески встревоженности во взгляде остались.

Демид принял душ и поужинал. Вкусно, конечно. Наташа замечательно готовит.

– Сядь, не суетись, – ухватил её за запястье и легонько потянул, усадив рядом на стул, когда она начала быстро собирать посуду со стола.

С Натальей они были знакомы ещё с юности. Когда-то давно, ещё в их родном городке, она преподавала в его школе историю. Молоденькая красивая учительница сразу привлекла внимание парней. Однажды услышал, как пара придурков решили подстеречь её вечером за школьной аллеей. Может, просто напугать хотели, а может и что похуже. Времена были беспокойные, начало двухтысячных, даже освещение не везде было на улицах, а в их районе и подавно.

Не мог же он остаться в стороне. Подождал окончания второй смены, пошёл за молодой историчкой, старался быть

незаметным. Но когда эти кретины и вправду приклепались к ней, пришлось вмешаться. Что сделает молодая девчонка против двух здоровенных десятиклассников?

Потом до дома провёл. Перепугалась же. Через несколько дней она помочь в кабинете попросила, цветок какой-то переставить, потом ещё что-то. И так как у Бахурина не очень с историей было, предложила позаниматься. Первые несколько занятий они честно занимались историей. Ну а потом... он ведь в десятом уже был мужчиной. И внешне, и с девушками уже знал, как и что. Так и встречались тайно, пока одна ревнивая стерва не спалила. Хорошо, учебный год заканчивался. Наташе пришлось уволиться, а Бахурина мать перевела в другую школу, в хороший, благополучный район.

А потом как-то случайно встретились тут, в Москве. И в первый же вечер переспали. Потом Демида на полгода отправили в командировку, когда вернулся, зачем-то позвонил. И вот уже почти полтора года вроде как встречаются.

– Вызовешь мне такси? Тебе ведь работать надо, – казалось, губы произносят одно, но глаза совсем другое говорят.

Бахурину не хотелось обижать Наталью, она хорошая. Но ей нужно то, чего он дать не хочет и не может. По-хорошему, отпустить бы её. Вот прямо сейчас, но Демид и сам не знает зачем, но предлагает всё же остаться. Просто не хочет сейчас слёз и трудных разговоров. Он слишком устал. Они обязательно поговорят, но позже, не сегодня.

Наташины же глаза загорелись, и она потянулась к нему с

поцелуями. Потом сжала мужскую ладонь и повела за собой. Усадила на кровать, а сама опустилась на колени.

Демид чуть откинулся, опёрся руками сзади в постель и позволил девушке расстегнуть ему ширинку и высвободить уже вставший член. Ему нравилось, как Наталья делает минет – медленно, без рывков и лишних слюней. И сегодня она старалась сильнее обычного, так ему казалось.

Вот только он никак не мог настроиться. Хорошо, приятно, но ощущения будто где-то вдалеке. Что-то не то, и что-то не так. Может, принятое им решение о расставании мешало? Совесть жгла? Возможно.

– Остановись, – хрипло прошептал мужчина. – Иди ко мне.

Хотелось как-то искупить свою холодность и чёрствость. Бахурин освободил девушку от одежды и уложил на живот. Огладил ладонями округлые бёдра и вошёл сзади. Рука скользнула в волосы, глаза закрылись.

И тут он ощутил разряд. Настолько мощный, что в паху отдалось острее обычного. Потому что вдруг само представилось, против его воли и сознания, как пальцы его сжимают совсем не тёмные Наташины волосы, а густую белокурую копну. И запах, и дыхание тоже её... Той, что когда-то была его, той, в чьих глазах он сегодня увидел взрывной коктейль из страха и дерзости.

Демиду хватило несколько глубоких движений, чтобы сорваться в крышесносный оргазм. Наверное, он даже мог сде-

лать больно Наташе своей резкостью. Хотел извиниться, но та опередила его восторженным поцелуем.

А Бахурину было противно от самого себя. Членом имел одну, а мозгом другую. Ту, что недоступна ему, что вызывала лишь презрение, ведь она понимала, когда выходила замуж за такую мразь как Дембицкий. Должна была понимать.

Но вот это вспыхнувшее желание обожгло. Ему нельзя, никак нельзя дать кислород, иначе пламя разгорится, а это слишком опасно. Для всех.

Глава 5

Слова Бахурина вчера крутились в голове весь вечер и половину ночи, пока я не забылась тревожным сном.

«Продалась замуж за криминального авторитета»

Продалась...

За криминального авторитета...

Бред же.

С Глебом мы познакомились, когда я на последнем курсе университета пришла стажироваться переводчиком в его фирму. Как студентке, мне нужна была подработка и преддипломная практика. После нескольких встреч с клиентами, где нужны были мои услуги переводчика, Глеб предложил поужинать. Стал ухаживать. Служебный роман я развивать не хотела, тем более с боссом, поэтому ушла работать в другую фирму.

Встречались мы недолго и без эмоциональных всплесков. Через пять месяцев Глеб предложил съездить вместе на отдых за границу, и там сделал предложение. Он был спокойным, надёжным, красивым и обеспеченным. И он мне нравился. Не относился как к кукле, мы много беседовали. Были больше друзьями, чем любовниками.

В сексе тоже всё было ровно. Наверное, таких, как я, называют «холодными» женщинами. Потому что особых фейерверков я не испытывала. В некоторые моменты было при-

ятно, но так, чтобы до дрожи хотелось ещё – нет. Может, сказались моя неопытность. Глеб стал у меня вторым, до этого я была лишь однажды с мужчиной в постели – с Демидом. То были совершенно иные чувства и ощущения: физическая боль и душевный полёт. Невероятный коктейль, навсегда оставшийся в памяти.

С Глебом такого я не испытывала. Мне с ним интереснее было беседовать, обсуждать свою и его работу. У нас было много общего в характере, и я долго не раздумывала над предложением. Согласилась. Мы вернулись и через месяц поженились.

Криминальные авторитеты в моём представлении выглядят совсем не так, как мой муж. Они грубые, все в наколках и «ботают по фене». А Глеб интеллигентный, одевается прилично и у него культурная речь. Ну вот не вяжется у меня его образ с образом криминального авторитета.

Конечно, я не раз замечала, что некоторые деловые партнёры у нас, мягко говоря, непростые. Я бывала на многих бизнес-встречах, мы потом дома обсуждали, он советовался. На многих, но не всех.

Признаться, некоторые моменты закона я знала, что Глеб обходит. Догадывалась. Замечала в документах определённые нестыковки, поэтому ситуация с расследованием по сто девяносто девятой меня не удивила сильно. Но то, на что давит Бахурин... Не может быть этого.

Я могу поверить в некоторые не совсем законные грузы,

может даже контрабанду, но не наркотики и оружие.

Николай открывает двери машины, и я выхожу перед зданием СИЗО. По плечам пробегают мурашки. Свидание назначено на одиннадцать, но начало затягивается. Сначала мне говорят, что подпись адвоката на ходатайстве о краткосрочном свидании не совпадает с его подписью в деле, потом долго досматривают мою сумку. Проволочки продолжаются почти сорок минут, и я уже начинаю опасаться, что сейчас мне объявят, что начался обеденный перерыв. Но меня провожают в комнату свиданий. Естественно, эти сорок минут в счёт нашей с мужем встречи.

Тёмную комнату, с окрашенными в серый стенами, посередине преграждает стол на всю её длину, от стола вверх метра на полтора вдоль толстое стекло разделяет посетителей и арестованных. Никаких телефонных трубок, как в сериалах, просто маленькие дырочки в стекле.

Я присаживаюсь на табурет и замираю в ожидании. Через пару минут конвой заводит Глеба из двери с противоположной стороны комнаты. Не знаю почему, наверное, кино пересмотрела, но я боялась увидеть его измождённым или даже, не дай Бог, с синяками.

Но Глеб выглядит вполне хорошо. Вместо привычных брюк и рубашки на нём спортивные штаны и футболка, чуть отросла щетина, но в целом он выглядит прекрасно, даже улыбается.

– Привет, малышка, – он садится на стул напротив и улы-

бается. – Ты как?

Мы никогда не были любителями всех этих «детка», «малышка», «солнышко». К чему сейчас? Но да ладно.

– Привет, Глеб, – хочу улыбнуться, но в голове проскальзывают слова Бахурина, и выходит как-то кисло и натянуто. – Я в порядке, на контакте с Антоном Васильевичем. А ты как?

– Нормально. Адвокат говорит, ты встречалась с новым следаком? – смотрит внимательно. – На что обратила внимание?

– На то, что обвинения он выдвигает очень серьёзные. И настроен тоже серьёзно.

О том, что с Бахуриным мы знакомы, я решаю умолчать.

– Глеб, – тоже смотрю ему внимательно в глаза через стекло. – То, что он тебе вменяет... Это же не имеет под собой оснований?

– Конечно нет, малыш, ну что ты? – Снова это «малыш» – Ты ведь и сама понимаешь, откуда ноги растут, не так ли? И следак этот... Мои ребята уже им занимаются, скоро у него прыти поумерится. Кстати, Антон Васильевич сказал, что этот Бахурин провёл обыск у нас дома. Всё ведь в порядке?

– А должно быть не в порядке?

– Я не знаю. Это же менты, – Глеб смотрит пристально, без привычных немного игривых ноток во взгляде, и я чувствую напряжение. Не хочу это признавать, но чувствую.

Сцепляю зубы, дышу ровно. И вру мужу:

– Нет, всё в порядке. Они ничего не нашли.

Не знаю, кажется мне, или я слишком остро реагирую, но вздох облегчения, хоть и едва заметный, меня напрягает. Понятно, что он рад, что всё в порядке, никаких подстав не произошло, но внутренне я чувствую, что причина не в этом. Неужели ту часть флешки в игрушку всё же положил Глеб? Что это? Где остальная часть? Почему именно этот накопитель так важен для расследования Бахурина?

Только вопросы, ответов нет.

Пока нет.

– Злата, сегодня с тобой свяжется Оленин, – помощник мужа на фирме, скользкий и неприятный тип, как по мне. – Передашь ему некоторые бумаги. Бизнес не должен стоять.

– Хорошо. Какие именно?

– Синюю папку из верхнего ящика моего стола.

Ещё Глеб просит сообщить его сестре, что у него всё в порядке, успокоить её. Говорит, что соскучился по мне и хочет прижать к себе, я киваю и улыбаюсь, но особого трепета не испытываю. После того, как я два года назад узнала, что у него появилась любовница, мне сложно проявлять чувства. Это было непросто для меня и раньше, а теперь и подавно. Признался он сам, раскаялся, просил прощения. Сказал, что порвал с ней, что очень любит меня. Что просто в какой-то момент я отдалилась, а ему не хватало тепла.

Не могу сказать, что простила. Я даже не могу признаться, что меня это задело до глубины души. Просто оставила как есть. Наверное, я и правда «холодная» женщина. Со

временем мы стали снова тепло общаться, дружить, но и так оставляющий желать лучшего интим стал совсем редким и не особо впечатляющим.

Да мне и не хочется всего этого.

Я выхожу из СИЗО, с облегчением и удовольствием вдыхая свежий воздух. Мне было сегодня крайне неуютно разговаривать с мужем. И дело не только в обстановке. Мне пришлось врать. А я это терпеть не могу. А ещё врал и мне. Это не люблю ещё больше.

Замечаю, что моя машина стоит чуть дальше, водитель Николай о чём-то разговаривает с каким-то полицейским.

– Что случилось? – подхожу ближе.

– Я и сам не пойму, Злата Владимировна, – Коля пожимает плечами. – Вот лейтенант говорит, что я нарушил, требует задержать автомобиль для составления протокола.

– Нам нужно срочно ехать, – хмурюсь. – В чём проблема?

Но ответить полицейский мне не успевает, потому что рядом тормозит чёрная иномарка, стекло опускается, и я замечаю за рулём Бахурина.

– Садись, – коротко командует, и мне требуется пара секунд, чтобы осознать, что эта команда предназначена мне.

– Я подожду свою машину, – отвечаю на столь наглое заявление.

– Садись в машину, Злата, – Демид говорит спокойно, но будто невзначай поправляет наручники, лежащие на торпедо машины, намекает, что не стал вносить находку в протокол.

Ох мать твою, Бахурин.

Я сердито хватаюсь за ручку и распахиваю пассажирскую дверь. Присаживаюсь и хлопаю дверью погромче. Слышала, подобное причиняет мужчинам едва ли не физическую боль.

– Чего? – поворачиваюсь и поднимаю бровь.

Но в ответ слышу щелчок блокировки замков и тихое урчание двигателя, когда мы отъезжаем от парковки.

– Куда мы едем? – спрашиваю, когда Демид выезжает на дорогу.

– Могу отвезти домой. Или куда скажешь, но для начала поговорим.

Складываю руки на груди, обняв сумочку, всем своим видом демонстрируя недовольство, и молчу.

Бахурин какое-то время тоже едет молча, внимательно следит за дорогой. Немного прищуривается, явно размышляя над чем-то, но в целом он абсолютно расслаблен и спокоен. В отличие от меня. Его молчание меня нервирует, и, думаю, он делает это намерено. Не удивлюсь, если их этому учат, а Демид и раньше на интуитивном уровне чувствовал, как сделать так, чтобы человек рядом с ним расслабился или наоборот напрягся.

– О чём вы говорили с мужем на свидании?

– Демид, ты совсем, что ли, без берегов? – я шокировано поворачиваюсь к нему. – Ты не боишься, что я напишу на тебя жалобу? Это уже совсем за гранью.

– За гранью то, что делает твой муж, Злата. Если я быстро

не найду флешку с информацией, могут пострадать люди. И у меня нет времени играть в игры.

– Это бред.

Бахурин сворачивает на объездную дорогу, что идёт возле промзоны, едет в сторону заправки по кольцу.

– Злата, отвечай на вопрос. Глеб просил тебя кому-то что-то передать? Документы, файлы, носители? Может, какие-то фразы или пароли?

Я, конечно, слышала, что некоторые сотрудники полиции не всегда соблюдают процедуру и права граждан, и что попасть во всю эту систему опасно, можно сколько угодно прикрываться Конституцией и прочими правовыми документами, однако, не всегда это работает. Но то, что сейчас вытворяет Демид, просто поражает.

– Ты правда считаешь, что я буду тебе стучать на мужа? – поднимаю брови, глядя на него, стараюсь говорить крайне спокойно. – Даже если бы и просил, думаешь, я бы сказала? За кого ты меня держишь?

В моей сумочке начинает звонить телефон. Игнорируя Бахурину, достаю его и отвечаю на звонок от Артёмовой.

– Златка, привет! – подруга очень взволнована. – Ты дома? Или нет? Ты далеко?

– Лариса, нет, я не дома. Что-то случилось?

– Представляешь! У меня тут налоговая офис опечатала! Приехали с проверкой, всё шмонают, компы пересматривают. Я в шоке! Сотрудники растеряны. У нас с налогами по-

рядок, я не боюсь, но ты прикинь, что тут происходит! Мы же материал задержим, сайт теперь висит, что будет с рейтингом? Бли-и-ин.

Я сжимаю зубы и бросаю взгляд на Бахурина. Уверена, это его рук дело. Вчера угроза была на словах, сегодня он уже действует.

Я говорю Ларисе, что перезвоню, отстёгиваю ремень безопасности и берусь за ручку дверцы.

– Останови машину, Демид, – жду, что он начнёт замедляться.

– Сядь и успокойся. Мы не закончили.

– Да плевать я хотела. Останови машину, я сказала! – повышаю голос, дёргая за ручку.

– Злата!

Бахурин всё же притормаживает, уводя машину к обочине одной рукой, а второй хватает меня за локоть и разворачивает к себе.

– Отпусти меня!

– Не истери.

– Убери руки! – пытаюсь выдернуть локоть, а саму аж трести начинает от его прикосновения. словно огненное кольцо сомкнулось на руке.

– Твой муж причастен к торговле людьми! – говорит чуть громче, но меня будто оглушает.

Я замираю, глядя ему в глаза. Понимаю, что машина больше не движется. Будто всё ещё слышу в ушах эхо сказанных

им слов.

– Ты лжёшь, – говорю тихо, потому что горло враз пересыхает. – Это не может быть правдой.

Создаётся ощущение, что замкнутое пространство машины – вакуум без кислорода, потому что я вот-вот начну задыхаться. Уже задыхаюсь. Но тишину вдруг разбивает звонок сотового Бахурина.

«Наталья»

Он отбивает вызов и кладёт телефон во внутренний карман пиджака. А потом снова возвращает взгляд к моему лицу.

– Я понимаю, что ты ещё не готова к этой информации, и я вывалил на тебя её слишком рано. Но времени в обрез, Злата. На флэшке маршрутные листы перевозок. По нашим данным, следующая через неделю.

– Я не верю тебе, – сжимаю виски дрожащими пальцами и прикрываю глаза. – Замолчи, Демид.

Но он продолжает.

– Пока не могу точно знать уровень его причастности: только ли посредничество или его роль в этом всё куда более серьёзная. Но не думаю, что он лишь оказывает услуги перевозчика.

– Хватит! – больше терпеть это я не в силах. Разворачиваюсь и толкаю его в плечо. – Открой дверь и выпусти меня! Сейчас же, Демид!

Но у него снова звонит телефон, успеваю увидеть, как Бах-

урин хмурится, когда вместо имени абонента видит три звёздочки.

– Мне нужно перезвонить.

Говорит так, будто это я ему тут докучаю. А потом перехватывает моё левое запястье, и я даже моргнуть не успеваю, как на нём защёлкивается серебристый прохладный браслет наручников. Лишь охаю от неожиданности. Бахурин же второе кольцо защёлкивает на какой-то железке возле ручника стояночного тормоза, а сам открывает двери и выходит наружу.

Глава 6

Я лежу в своей постели, подтянув колени к груди. Вообще-то на фоне всех событий ожидала серию панических атак, но, на удивление, ни одной так и не случилось. Не исключено, что всё ещё впереди.

Мой психотерапевт говорит, что нужно жить настоящим, не впадать в воспоминания и протрацию, концентрироваться на «здесь и сейчас», но именно в данный момент я меньше всего хочу сосредотачиваться на настоящем.

Когда сегодня днём Бахурин после телефонного разговора снаружи вернулся в машину, то развернулся и молча отвёз меня домой. Всю дорогу хмурился и смотрел только на трассу. Мне и слова не сказал. И только у ворот моего дома отстегнул наручники и протянул листок с номером.

– Думай, Злата, ты умная. Если присмотришься, заметишь что-то. Пришли на этот номер то, что посчитаешь нужным, – снова посмотрел тем самым своим взглядом, проникающим через органы зрения, казалось, в самый мозг. – И будь осторожна.

Я ответить ему ничего не смогла. Лишь потёрла запястье, до этого скованное браслетом, а потом выдернула из его пальцев бумажку с номером и выскочила из машины.

Когда вошла в дом, не нашла в себе силы ни дать распоряжения прислуге, ни даже душ принять. Заперлась в своей

спальне, сбросила одежду прямо на пол и залезла под одеяло с головой.

Знаю, что не по-взрослому, но сейчас мне нужно было отгородиться от всего мира и побыть наедине с собой.

И вот вместо того, чтобы подумать над ситуацией, я просто лежу под одеялом. Пытаюсь осознать то, что мне сегодня сказал Бахурин, примерить это к Глебу и... не могу. Стянуть, сшить это не получается.

Торговля людьми.

Это даже звучит так чудовищно и дико, что волосы на голове шевелиться начинают. Ужас леденит в груди, стоит только представить. Каким вообще должен быть человек, чтобы хоть как-то быть к этому причастным? Насколько сгнившим изнутри?

Но ведь Глеб не такой. Он бы ни за что не стал участвовать в этом. Демид ошибается. Или топит его намеренно. Только какова цель?

Да, мой психотерапевт говорит, что нужно быть мыслями здесь и сейчас, но я не могу. И поэтому проваливаюсь...

...

– Нам необязательно спешить, Маркиза, – Бахурин отодвигает волосы с моего плеча и нежно прикасается губами к шее.

– Я хочу, – прикрываю глаза, впитывая собственную дрожь предвкушения неизведанного. – Слишком долго ждала. Школа окончена, экзамены позади, мы совершеннолет-

ние. Что ещё нужно? И... самое главное, я хочу тебя.

Последние слова произношу почти шёпотом. Это так смело для меня и откровенно. И так честно.

Демид прижимается всем телом сзади, выдыхая громче, его ладони оплетают мою талию, аккуратно пробираясь под футболку. Его пальцы на моей коже. Как никогда волнуяще.

Я откидываю голову ему на плечо, позволяя целовать за ухом, шею, ключицу. Грудная клетка наполняется жаром, когда крепкие мужские ладони пробираются снизу под чашки бюстгалтера и накрывают груди. Вся вздрагиваю и начинаю дышать ещё глубже.

Мы вместе более полугодя, много раз были наедине, пережили сложные моменты, и близость кажется логичным продолжением всего. Впереди у нас студенчество, простые и интересные пять лет освоения профессии, совместная жизнь. Демид всё продумал. Мы будем жить в комнате в общежитии, которая закреплена как ведомственная за его дядей. Будем учиться на то, о чём мечтали, подрабатывать где-то, а потом устроимся по профессии. Сочи ведь город возможностей. Я стану морским биологом, Бахурин архитектором. У нас всё получится.

А пока... я просто хочу, чтобы он сделал меня своей. Сегодня.

Поворачиваюсь к нему лицом и обвиваю руками крепкую шею. Мой Бахурин такой высокий, что мне приходится

стать на носочки, чтобы прижаться своими губами к его. Кажется, что он даже целует меня по-другому. Пропала та едва уловимая сдержанность, контроль, который всегда присутствовал фоном. Конечно, иногда этот контроль трещал по швам, но всё же Демид всегда знал, когда остановиться. А сейчас не надо. Я не хочу, чтобы он сдерживался и, тем более, останавливался.

– Злата... – шепчет он, и в голосе столько ожидания, страсти и желания.

Подхватывает меня на руки под бёдра и несёт в спальню. Дыхание захватывает, когда оказываюсь под ним, ощущаю тяжесть его тела на себе. Выгибаюсь, позволяя стянуть с себя футболку, с губ срывается стон, когда Демид растёгивает мой лифчик, снимает и откладывает в сторону. Странно, но мне одновременно хочется и прикрыться, и чтобы он смотрел.

В спальне полумрак, но я вижу, как начинают блестеть его глаза, когда он опускает взгляд на мою грудь. Соски, большие не прикрытые тканью, сжимаются от соприкосновения с воздухом. А когда к ним прикасаются губы Демиды, меня словно током пробивает.

Ещё один, более громкий, стон срывается с губ, и я испуганно прижимаю ладонь ко рту. Это кажется каким-то неприличным. Но Бахурин отрывается от моей груди, поднимает глаза и мягко улыбается.

– Тебе не надо сдерживаться. Всё хорошо.

А сдерживаться и не получается, когда он продолжает ласкать меня. Хотя я всё равно пытаюсь, не могу открыться до конца. А Бахурин замечает это и делает так, чтобы у меня точно не получалось.

Мне тоже хочется касаться его, хочется провести пальцами по гладкой коже. Я цепляюсь ногтями в его футболку и стаскиваю её с него. Чувствую, как покалывают кончики пальцев, когда провожу по его груди, скользю ниже. Возбуждаюсь от этого не меньше, чем когда он прикасается ко мне. Вижу его реакцию и схожу с ума ещё больше. Его челюсти крепко сжимаются, и Демид прикрывает глаза, пытаюсь совладать с рвущимся из груди дыханием.

– Ты невероятная, моя Маркиза, – шепчет, спускаясь губами ниже по моему животу, а я плавлюсь от того, что за его губами следуют горячие вспышки, заставляющие выгибаться и действительно больше не сдерживаться.

Демид освобождает меня от джинсов, следом сразу стаскивает трусики. Я теряюсь, зажмуриваюсь и сжимаю кулаки, зажав в пальцах простыню.

– Не бойся.

Он ложится рядом, снова целует меня, не даёт отвернуться, а в это время его ладонь ложится мне на живот, спускается ниже, проникает между бёдер, вынуждая их немного раздвинуть.

Разрываю поцелуй и закусываю губы, смотрю ему в глаза, когда он прикасается ко мне там. Раздвигает пальцами

нежные складки, гладит, аккуратно нажимая. Напрягаюсь, когда чувствую, как его палец проникает внутрь. Странные ощущения, непривычные. Чувствую, как его пальцы становятся очень скользкими, и почему-то стыжусь этого. Это ведь тоже нормально, да? Естественно? Я читала в романах, что когда женщине хорошо, там у неё становится влажно. Я и сама не раз приходила домой после наших поцелуев в подъезде и обнаруживала, что мои трусики промокли.

Бахурин продолжает ласкать меня, касается там уже смелее. Мне хочется зажать его ладонь, сдвинув бёдра, но он не позволяет. И тогда я чуть сгибаю ноги в коленях и отдаюсь ощущениям. Глубоко дышу, подгоняя себя куда-то, куда, не пойму я сама, стремлюсь.

А потом случается сладкая вспышка. Это настолько остро и приятно, что у меня пересыхают губы и будто на несколько мгновений отключается сознание. Демид всё ещё гладит меня там, но уже мягко, едва касаясь, а потом убирает руку. Я слышу тихий шелест, и мой Бахурин перекачивается на меня, прижимая собой к постели. Умащивается между моих согнутых коленей, вынуждая развести их шире. Целует снова и снова.

Быстро моргаю, когда чувствую, как он упирается в мою промежность, задерживаю дыхание.

– Дыши глубоко и постарайся расслабиться, хорошо? – Демид ласково проводит пальцами по моему лицу и прикасается губами.

– Хорошо, – отвечаю тихо и пытаюсь выполнить то, что он сказал. – Ох!..

Сдавленный вскрик рвётся из горла сам собой, когда Бахурин подаётся вперёд. После вспышки боли тело жаждет, чтобы его освободили, но этого не происходит. Демид делает так ещё раз, усиливая давление.

Закусываю до крови губы, стараюсь глубоко дышать носом, как он сказал, не мешать. Я читала, что первый раз пройдёт легче, если постараться расслабиться и дать парню свободу действий. Вот только не помню сейчас, это был любовный роман или статья в женском журнале.

Бахурин притормаживает немного, даёт мне время привыкнуть к ощущениям, справиться с дискомфортом, а потом снова начинает двигаться. Мягко, плавно, увеличивая темп постепенно. И уже замечаю, что такой боли и нет. Растревоженная впервые плоть, конечно, отдаёт болезненностью и ощущением переполнения, но вполне терпимо. Кроме того, общий микс ощущений очень странный. И боль эта далеко не на первом плане, она где-то на периферии, на заднем фоне, уступает место совершенно другим ощущениям – эмоциям, что переходят на физический уровень и топят тело в неге от осознания того, что я наконец принадлежу любимому полностью. Я теперь его, а он мой. Без остатка. Без границ и барьеров.

Да, тогда мы любили друг друга. Мы были очень юными, едва вышли из школьных ворот, но чувства были такими

сильными, проживались на полную. После того я не знала ничего мощнее и вместе с тем чего-то, что оставляет более глубокие шрамы. И сейчас эти рубцы ноют так, что дышать тяжело. Потому что теперь, спустя десять лет, у нас обоих другие роли, от которых никуда не деться. Всё могло быть по-другому, если бы не многое «если». Демид больше не тот нежный и заботливый парень, а я не та невинная девочка.

И мы по разные стороны баррикад.

Глава 7

– Сынок, я серьёзно, – мама проговорила вкрадчиво-мирным голосом, уговаривала Бахурина. – Мы будем очень рады видеть тебя и твою девушку.

– У меня много работы, мам.

Ему, естественно, это не нравилось. Не любил Бахурин все эти светские рауты, приёмы, благотворительные вечера и прочее бестолковое времяпрепровождение. Не всегда бестолковое, конечно, когда он на задании, то такие сборища вполне полезны. Но не в этот раз.

Бахурин просто крайне не желал встречи с отцом. Может, с матерью они и помирились, снова сошлись уже более шести лет назад, но Демиду от этого ещё хуже. На неё ему тоже есть за что серьёзно обижаться. Но он старается держать холодный нейтралитет с семьёй, только вот в последнее время они знатно стали наседать.

К тому же мать прознала про Наталью. Сначала сокрушалась, что уже однажды эта женщина испортила репутацию её сыну, но потом стала мягче. Даже вот теперь настаивает на встрече.

Ещё какое-то время мать продолжала увещевать Бахурина, и, в конце концов, он согласился. Им с Наташей надо поговорить, отношения следует закончить как-то прилично, что ли. Светский приём отлично подойдёт для этого: после

они поговорят, потому что в другой обстановке он уже пытался, но Наташа то суетливо начинает готовить ему еду, то проявляет страсть.

– Хорошо, мы подъедем на час, мам.

– Отлично, Демид! Мы будем ждать.

Бахурин попрощался с матерью, отбил звонок, а потом написал сообщение начальнику оперчасти, чтобы тот прислал ему список всех приглашённых этого благотворительного вечера. Возможно, вечер пройдёт не так уж и бесполезно.

Наташа обрадовалась и сразу согласилась посетить с Бахуриным мероприятие, а ему стало немного не по себе. Неужели она и правда не замечает, что всё поостыло? Или замечает, но продолжает упорствовать. С ней нужно будет решить вопрос сегодня. Обязательно. Постараться не обидеть, она ведь хорошая. Слишком даже для него.

Изучив список гостей, Бахурин остался доволен. Злата в списке учредителей, она должна прийти. Это способ показать всем, что, несмотря на шаткое положение её мужа, бизнес продолжает работать. По крайней мере, его легальная часть. И определённый круг бизнес-сегмента будет за ней наблюдать. В списке приглашённых ещё её вездесущая подруга – эта журналистка Артёмова и финансовый директор фирмы Дембицкого Оленин.

Бахурину надо понаблюдать за всеми тремя. Два дня назад он зародил в Злате сомнения насчёт мужа, он это точно понял, теперь надо прощупать, насколько глубоко эти со-

мнения проросли. С Артёмовой пока не понятно, ребята по ней ещё работают, но вроде бы она просто близкая подруга Златы. Однако Бахурин помнил, что с последними ей раньше не везло, так что тут кто знает.

А вот Оленин по-любому в курсе многих вещей, но он скользкий как угорь и очень осторожный. С ним надо ещё работать. Так что пока основным вариантом остаётся жена Дембицкого. Даже если она не в курсе.

Бахурин игнорирует ту неприятную царапину, что вдруг скользнула где-то под толстой, взращенной годами бронёй. Жена Дембицкого. Почаще надо произносить эти слова и вслух, и про себя, чтобы вдруг на секунду не забыться.

Ближе к четырем часам вечера он заехал за Натальей. К назначенному времени она уже была собрана, знает, что Демид не терпит непунктуальности.

– Привет, – улыбнулась и грациозно подошла ближе.

– Отлично выглядишь, – Бахурин улыбнулся бегло в ответ и легко поцеловал её в щёку.

Вероятно, она ожидала большего, потому что по лицу девушки пробежала тень, но Демид напомнил, что они торопятся.

Приём проходил на девятом этаже отеля «АкваХолл». Демид даже уточнять не стал, по какому он поводу, ему плевать. Очередной сбор благотворительности для чего-то там, где преступники типа Дембицкого отдают рубль, чтобы потом своровать миллионы.

Сегодня на вечере среди приглашённых было много представителей полицейской верхушки, в том числе отец Бахурина, который по-прежнему не прекращал попытки пропихнуть последнего повыше. Только вот Демид принципиально в другое ведомство пошёл, чтобы не было всех этих качаний, и те, с кем он работает, прекрасно знают, что он не продвигенец. Бахурин и за дело Дембицкого вцепился зубами, когда перед фактом поставили, потому что в МВД как-то вяло его вели, много было нестыковок.

Из-за этого дела у них с отцом даже был не самый приятный разговор, и Демиду показалось, что не всё там чисто. Это послужило дополнительным стимулом распутать порочный клубок.

– Здесь шикарно, – Наташа улыбнулась и осмотрелась, когда они с Демидом вышли из лифта и вошли в залу.

– Угу, – коротко отозвался Бахурин и окинул взглядом обстановку и присутствующих.

Чуть дальше, в компании «погонов» стояли его родители. Мать как раз обернулась и приветливо махнула сыну и его спутнице рукой.

– Твоя мама, – Наталья проговорила взволнованно и жала ладонь Демида.

– Не о чем волноваться, – успокоил её Бахурин. – Пойдём.

Они подошли к компании, в которой общались его родители.

– Добрый день.

– Здравствуйте.

Мама улыбнулась Наташе и легко приложила губами к щеке Демида, отец пожал руку и представил их своим собеседникам. Особо старательно, надо сказать.

– Перспективная молодёжь! – воскликнул тот, кого отец представил как полковника Ершова. – Рад, что теперь под нашей крышей. Наслышан.

– Благодарю, – без особого энтузиазма ответил Бахурин, на что поймал мимолётный недовольный взгляд отца.

Светский разговор продолжился, Деמיד отвечал на автомате, да ему особо и не пришлось. Мать стала расписывать его профессиональные качества, Наталья поддакивать. А Бахурин как раз обратил внимание на вошедших в зал и прищурился.

Злата вошла в сопровождении своей подружки-коротышки и заместителя мужа на фирме Оленина. Выглядела отлично, что уж сказать. Она и в юности то была очень красивой, а сейчас по-женски расцвела, раскрылась. Осталась такой же худенькой и невысокой, но не выглядела как подросток. Фигура словно выточенная из кости статуэтка. Демида всегда восхищала её гордая посадка головы на стройной шее. Девичья фамилия – Королёва – ей подходила идеально. Была принцесса, сейчас стала настоящей королевой.

Бахурин сглотнул, спустившись взглядом по стройным бёдрам, что угадывались под длинным алым струящимся платьем. Плавная, но уверенная походка, идеальный разво-

рот тонких плеч, светлые волосы убраны в аккуратную причёску.

Злата улыбнулась одному посетителю, другому, а потом вдруг наткнулась глазами на Бахурина. Даже отсюда, через ползалы он смог заметить, как она сглотнула и побледнела. Несколько раз моргнула, замешкалась, а потом резко отвернулась к подруге.

«Она не стабильна» – подумал Демид, – «а значит, доверие к мужу пошатнулось. Осталось добавить и взять что нужно»

Учёба в закрытом учреждении, где корпуса расположены в глухом лесу, работа на результат. Он всегда был профессионалом, с самой студенческой скамьи. Без промахов и огрехов. Твёрдо шёл вперёд.

Он и сейчас не позволит себе оступиться. От него зависят жизни людей, ведь тогда в машине Бахурин Злате не солгал. И всё имеет свои последствия и свои допустимые сопутствующие потери. В этой опасной игре именно Злата может стать такой потерей. Не для Бахурина, её он упустил ещё тогда, десять лет назад. Винил себя долго, потому что разве так борются за любовь? Психанул, обиделся, а надо было вернуться, взять за руку и просто утащить с собой, поговорить с отцом как мужчина с женщиной, предпринять хоть что-то. Но он закрылся в своей обиде. Сам виноват. Только он. Не она – девчонка, только-только начинавшая пытаться вылетать из гнезда. Выглянула – закружилась голова, она и спряталась

обратно. А именно он должен был. Но не смог, не подстраховал, не поймал. Просто ушёл.

Так вот теперь она может стать не только его потерей. В таких делах, как ведёт Дембицкий, можно лишиться жизни, если оказаться не там и не с теми. И Демид не хотел, чтобы Злата стала этой сопутствующей потерей. Он не знал, насколько она дорога Дембицкому, и пока не понял, насколько дорог он ей. Бахурин презирал её за то, что выбрала такую жизнь, что продалась такому, как этот бандит. Но он не допустит, чтобы с ней случилось непоправимое. Лучше сам причинит боль, обидит, если потребуется, но она будет жить.

* * *

Тягомотный вечер шёл своим чередом. Бахурин сидел с родителями и Натальей за одним столиком, пока выступали учредители вечера, несли околесицу о важности данного мероприятия и своей собственной. Выступила и Злата. Но сказала всего пару слов, поблагодарив всех, кто поддерживает их семью в этот сложный период, отметила, что жизнь продолжается, и фирма «Дэ-транс» не собирается отступать от заявленных обязательств и участия в благотворительных акциях и спонсорстве.

Пока говорила, пару раз бросала взгляд на столик, за которым сидел Бахурин, но тут же отводила глаза. А он наблюдал внимательно. Злата отлично владела собой, но Демид знал,

помнил некоторые моменты, по которым мог предположить её реальное состояние. Что она немного поджимает мизинцы на ладонях, когда волнуется, или чуть приподнимает правую бровь в разговоре, когда пытается добавить себе уверенности. Незначительные, незаметные моменты, но ведь он знает, читает её даже спустя десять лет.

– Я думаю, совместный отпуск пошёл бы вам обоим на пользу, – мать прикоснулась к локтю Демида, вернув его мысли за столик к присутствующим. – Сынок, ты когда вообще был в отпуске?

– Два года назад.

– Вот, об этом я и говорю! Наташа вот уже и варианты наметила, куда бы вы могли съездить ближайшие недели.

Наталья слишком увлеклась беседой с его родителями, забылась, кажется, и Бахурин ощутил острую вспышку раздражения к ней. Она ведь прекрасно знает, что он терпеть не может, когда за него решают.

– Отдыхать нужно обязательно, – поддакнула она матери.

– Вот и отдохнёшь, а мне некогда, – отрезал Демид слишком резковато, отчего Наташа залилась краской, а мама посмотрела на сына с укором.

Его спутница смутилась и, сделав глоток из бокала с шампанским, постаралась перевести тему. Разговор далее продолжался довольно вяло и толком ни о чём, к нему присоединился отец, и Бахурин совсем потерял нить. Что-то там о перспективах продвижения по карьерной лестнице в ведом-

стве. Наташа, видимо сильно хотела понравиться родителям Демида, стала соглашаться с отцом и даже вроде как убеждать Бахурина, что семейный тандем в МВД мог бы стать весьма удачным и выгодным.

Бахурина захотелось сказать ей о прекращении отношений вот прямо сейчас, чего он, естественно, делать не стал. Но ему стало настолько тесно и некомфортно, что он решил сделать как всегда – уйти в работу. Да и пора было. Время шло, а результата не было. И чем дольше, тем опаснее становилась ситуация.

– Мне надо отойти. Это по работе, – он оборвал Наталью, которая в этот момент, кажется, что-то ему говорила.

– Ох уж эта ваша работа, – тяжело вздохнула мама и постаралась увлечь Наташу разговором.

За всей этой часовой бесполезной болтовнёй Бахурин не упускал из периферического зрения Злату. Заметил, что Оленин не единожды подносил ей бокал с шампанским. Несмотря на усилия держать объективность, Бахурин всё же отдавал себе отчёт, что этот тип ему не нравится не только в силу обстоятельств дела, но и лично. Их, кстати, учили доверять чутью. Так что всё это в пределах нормы.

Демид встал из-за столика и направился к тому, за которым сидели Злата, этот Оленин и её подружка-коротышка. Передёрнул плечами, ощущая Наташин взгляд на спине. Что с ней не так? Он же сказал – работа.

– Добрый вечер, – он сдержанно улыбнулся, когда сидя-

щие за столом девушки подняли на него глаза. Оленин куда-то в этот момент отошёл. – Представьте меня своей компаньонке, Злата Владимировна?

– Вечер мог быть и добрее, не пытайтесь вы посадить моего мужа за решётку, – она подняла бровь и сделала глоток из бокала. – Лариса, познакомься, новый следователь по делу Глеба – Демид Алексеевич Бахурин.

Коротышка перевела на Демиды глаза и посмотрела как на достопримечательность.

– Здравствуйте, – сказала коротко, но разглядывать не перестала.

– Я могу пригласить тебя на танец? – перешёл на «ты».

Злата проморгалась от неожиданности его предложения, сглотнула.

– Думаю, в нынешней ситуации это неуместно. К тому же вы со спутницей.

– Это не вопрос, так что ничего крамольного не вижу. А моя спутница не против.

Злата поколебалась ещё несколько секунд, посмотрела на свою подругу, которая растерянно пожала плечами, но потом вложила тонкие пальцы в протянутую ладонь Бахурина и поднялась.

Демид провёл её в дальнюю часть танцевальной зоны залы, где толпились много людей, чтобы со стороны столиков их было не особо видно. Развернул, и мягко привлёк ближе. Девушка вздрогнула, когда ей на талию легла его ладонь, и

отвела глаза, опустила их вниз, а потом стала смотреть ему куда-то за плечо.

Играла фоновая инструментальная музыка, пары неспешно двигались, о чём-то переговариваясь. Но Демид и Злата поначалу молчали. Ей нужно было справиться с участвующимся сердцебиением, не дать ему понять, что её дыхание сбилось, а ему напомнить себе, что это всё работа, подавить реакцию тела на её запах.

– Сколько бокалов шампанского ты выпила?

– Я должна тебе отчитаться?

– У тебя расширены зрачки.

– Ты теперь и это будешь контролировать?

Бахурин почувствовал, как напряглась её ладонь в его руке, сжал чуть сильнее. А потом она сморгнула и чуть оступилась.

– Ты мне так ничего и не прислала. Муж просил тебя передать что-то своему помощнику, Злата?

– Ты вроде бы сказал, что это не вопрос, – Бахурин заметил, что Злата как-то странно снова дрогнула веками. – Демид, я пойду, наверное, действительно выпила многовато шампанского.

– Сколько?

– Я правда пойду.

Но Бахурин её не отпустил, потому что дыхание молодой женщины вдруг потяжелело, и сама она тоже стала опираться

на его плечо сильнее.

– Злата, тебе нехорошо?

– Я не знаю... Голова кружится и пить хочется. Я выпила не больше двух.

– Кто подавал?

– Я не... мне нужно в уборную.

Она слабела на глазах. Бахурин подхватил девушку за талию крепче и, стараясь не привлечь лишнего внимания, вывел в коридор, зашёл за поворот, остановившись у лифта, где никого не было.

– Посмотри на меня, Злата, – аккуратно сдвинул пальцами щеки и вынудил приподнять голову.

Она была явно не просто пьяна. Кожа побледнела, губы пересохли, это даже под помадой было видно, зрачки слишком расширены.

– Злата! Ты не взяла телефон, и я тебя потеряла... – к ним спешила из залы её подруга. – Что здесь происходит?

– Ей стало нехорошо, – Бахурин заметил в руках Артёмовой сотовый Златы, который она продемонстрировала, упомянув его. – Помоги ей прийти в себя.

Действуя отвлекаяюще, Бахурин помог Злате опереться на руку подруги, а сам параллельно другой рукой взял её телефон. Остался стоять под дверью женской уборной, пока Артёмова оказывала Злате помощь. Открыл раскладной золотистый телефон и пробежался по контактам, по последним вызовам. Просматривать галерею времени не было сейчас, и

Демид просто вытащил из её телефона накопитель, вставил в свой телефон, скопировал все данные, а потом переставил обратно. Она не глупая, думаю, сфотографировала то, что просил передать муж. А он просил, в этом Демид не сомневался.

Да, к сожалению, честные методы работают не всегда. Особенно, когда на кону человеческие жизни. И жизнь Златы в том числе. Ведь не один Бахурин смог предположить, что Дембицкий мог спрятать важную информацию у жены. Конкуренты тоже могли догадаться. И, судя по состоянию Златы, охота уже началась. А значит, времени нет совсем.

Глава 8

Злата.

Я просыпаюсь от ощущения, будто голову раскалывают на мелкие кусочки. Боль настолько сильная, что челюсть разжать получается с трудом. Горло тоже болит. Помню, что рвало вчера. Что же за шампанское такое мне попало? Неужели и другие гости отравились? Алкоголь перед мероприятиями такого уровня проходит тщательнейшую проверку. Я вроде бы тоже никаких лекарств не принимала, чтобы вызвать такую реакцию. Но мало ли, может, индивидуально так вышло.

Кое-как сажусь на постели, аккуратно опускаю ступни на пол. Каждое движение отдаёт болью в голове и шее. Надо бы исключить этот напиток из своего употребления, раньше тоже было побаливала голова от него, но не так сильно, конечно.

Пошатываясь, доползаю до ванной, и меня снова рвёт. И только, кажется, после этого становится немного легче.

Почти вслепую шарю в коробке с лекарствами, достаю обезболивающее и глотаю сразу две таблетки, запивая водой прямо из-под крана. Оседаю на прохладный пол, прикрываю глаза и просто сижу. Жду, когда начнёт действовать. Просто считаю секунды про себя.

Наверное, даже впадаю в дрёму какую-то, но вздрагиваю,

когда на корзине с бельём звенит эсэмэской телефон. Открываю глаза, пару раз моргаю, приспособливая зрение к яркому свету ванной, и беру телефон.

«Как ты?»

От Артёмовой.

«Умираю от головной боли»

Лара шлёт плачущие смайлики, а потом спрашивает, может ли она приехать. Я отсылаю «ок» и захлопываю телефон. Пора привести себя в порядок.

Под душем так хорошо. Боль отпустила, оставив лишь какой-то муторный фон, но в целом терпимо. Я включаю массажные струи в кабинке и подставляю спину. Боль притихла, но на её место приходят мысли.

Костя Оленин вчера вёл себя странно. Внимательно рассматривал те документы, что я передала ему по просьбе Глеба. Несколько раз переспросил, точно ли это всё, нет ли ещё чего-то. Глеб ценит его за внимательное и скрупулёзное отношение к работе, но как по мне, он слишком тщеславен и высокомерен. И себе на уме.

На вечере вчера тоже нервничал, сначала предлагал не идти. Вроде бы как у реальных и возможных партнёров по бизнесу могут возникнуть сомнения в нашем единстве. Что пока Глеб в тюрьме, выходить в свет не стоит. Был довольно настойчив, и мне пришлось ему чётко пояснить, что так мы решили с Глебом – бизнес-элита должна видеть, что хоть мы и столкнулись с трудностями, однако с арены не сошли и не

собираемся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.